

Алексей Ермилов

Окажите, почему...

Практика телеинтервью

и телерепортажа

Алексей Ермилов

**Скажите, почему... Практика
телеинтервью и телерепортажа**

«Алисторус»

2017

УДК 82.929
ББК 87.3

Ермилов А. Е.

Скажите, почему... Практика телеинтервью и телерепортажа /
А. Е. Ермилов — «Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906979-45-2

В книге Алексея Ермилова нет мудрёных теоретических выкладок, зато содержится множество необходимых для работы советов и рекомендаций: как разговорить неразговорчивого и тактично остановить заговорившегося, как взять интервью сразу у нескольких человек, как записать весь репортаж прямо на месте события, каким образом избежать накладок во время прямого эфира, как правильно держать микрофон и во что одеться в том или ином случае... Эти и другие проблемы разбираются на конкретных примерах из многолетней практики самого автора, а также из практики других корреспондентов федеральных и региональных каналов. Автор выступает категорическим противником нахрапистого, агрессивного репортажа; он призывает к соблюдению нравственных норм в тележурналистике, приглашает читателя к тревожным раздумьям о судьбах отечественного телевидения, о той опасности, которую несёт «торговля новостями». Книга адресована студентам профильных ВУЗов, начинающим и «продолжающим» корреспондентам, режиссёрам, продюсерам. И, конечно, телезрителям.

УДК 82.929
ББК 87.3

ISBN 978-5-906979-45-2

© Ермилов А. Е., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Часть первая	7
Введение	7
Глава первая	9
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Ермилов
Скажите, почему... Практика
телеинтервью и телерепортажа

На обложке использованы снимки фотохудожника Игоря Гневашева.

Часть первая

Искусство беседы. интервью

Введение

Чем отличается журналист от всех остальных людей.

Так просто: удовлетворение информационных потребностей.

«Почему вырешили, что он – это он?»

Может стать, данная книга для вас абсолютно бесполезна.

Какое же это серьёзное исследование, если автор вначале не даёт научного определения предмета, который он хочет исследовать.

Итак: *что такое интервью?*

Если помните, этим вопросом озаботился Марк Твен, когда к нему явился молодой корреспондент газеты «Ежедневная гроза» («Daily Thunderstorm») с просьбой дать интервью. Писатель долго рылся в книжном шкафу и, наконец, решил уточнить: «Как пишется это слово?» – «Какое слово?» – «Интервью». – «О, боже мой, зачем вам это знать?» – «Я хотел посмотреть в словаре, что оно значит». – «Гм! Это просто удивительно... И-н, ин, т-е-р, тер, интер...» – «Так, по-вашему, оно пишется через «и»? Вот почему мне так долго пришлось искать! Я взял полный словарь и полистал в конце, не найдётся ли оно среди картинок. Только издание у меня очень старое».

Вслед за Марком Твеном я тоже порылся в книжном шкафу. И-н-т-е-р, интер... Есть! «Интервью – это межличностное вербальное общение для получения информации и производства знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества». Ну, конечно, как же я сам не догадался. В целях удовлетворения. Так просто.

Ладно, оставим теорию теоретикам, а сами займёмся привычной практикой. Да, кстати, про Марка Твена. Прочтите ещё раз весь рассказ (он называется «Разговор с интервьюером»). Считайте это первым вашим **домашним заданием** (будут и другие). Присмотритесь, как изящно писатель издевается над бойким представителем «Ежедневной грозы», начисто лишённым чувства юмора. Об этом волшебном чувстве мы ещё поговорим, но сейчас начнём с самого начала. С обложки.

На ней изображён автор, который берёт интервью у невесты во Дворце бракосочетаний. Автору в то время ещё тридцати не исполнилось, и он только что пережил личную трагедию: девушка, которая уже считалась его женой, взяла да ушла. Потом он, конечно, понял, что всё случилось к лучшему. Но это потом. А сейчас, по наивности, он пытался вытеснить «подобное подобным», не зная, что так не бывает. «Ёлки-палки, – думал автор, – где же это люди находят друг друга, как они угадывают, что он – это он, а она – это она?»

Так вот, а работал тогда автор в радиопрограмме «Маяк»; выписал он себе «тонваген» (так назывался микроавтобус с магнитофонами) и отправился прямёхонько в этот самый Дворец. Правда, коллеги его чуть было не отговорили: да ты что, разве такие вещи спрашивают, там всем не до тебя будет. Как ни странно, коллеги ошиблись. И через пару дней родился на свет один из лучших репортажей, который довелось сделать автору за всю свою долгую творческую жизнь. Материал этот имел оглушительный успех, в «Маяк» посыпались письма со всей страны (в основном от влюблённых и желающих влюбиться), а журнал «Кругозор» выпустил звуковую пластинку под названием: «Понимаете, я без него не могу жить». Она и сейчас «плавает» по интернету, и, при желании, её нетрудно выудить.

Кстати, термин «репортаж» тут не совсем подходит, скорее это множество довольно умело скомпонованных интервью, но секрет тут был, конечно, не в этой «умелости», а в необычайно эмоциональных, откровенных ответах девушек и юношей, которые вот сейчас, через пятнадцать-двадцать минут станут называться женою и мужем.

Каким же чудом удалось получить эти ответы? Почему люди впустили незнакомого журналиста в мир своих самых сокровенных чувств?

Конечно, автор уже тогда обладал достаточным опытом, чтобы тактично подойти к каждому, по ходу дела варьируя один и тот же вопрос: «Скажите, почему вы решили, что он – это он, а она – она?» Но главное, собеседники видели: репортёру **на самом деле** интересно, он спрашивает «от себя».

«Э, куда вы клоните! – воскликнет читатель. – Что же нам, перед каждым интервью «личные трагедии» переживать?»

Да нет, зачем же такие крайности. И всё-таки непреложным остаётся **основной закон жанра интервью: беседа может быть успешной только при условии, что самому ведущему интересна её тема.**

«Ну, вот ещё, – снова возмутится тот же читатель. – Сегодня я разговариваю с животноводом о проблеме пальмового масла, завтра на выставке Серова буду беседовать с посетителями о судьбах русского реализма, а послезавтра, глядишь, редакция направит меня к адвокату по делу о коррупции. И всё-всё-всё мне должно быть интересно?»

Представьте себе – да. Журналист – это человек, который гораздо чаще, чем остальные, восклицает (про себя): ну надо же! И произносит (вслух): нет, вы только посмотрите! То есть он **обладает повышенным, обострённым вниманием к явлениям окружающего мира.** Его интересует природа и погода, медицина и полиграфия, ковроткачество и виноделие. Он знает понемногу обо всём, а главное – знает, где найти то, чего он пока не знает. И к тому же ему просто-таки необходимо поделиться всеми своими открытиями с другими людьми.

Таково первоначальное условие нашей профессии. И если у вас это есть – то есть, а если нет – то нет. И тут, к сожалению, не помогут никакие учителя, никакие книги.

Включая ту, которая перед вами.

Глава первая

Тематика интервью

Насколько ведущие моложе зрителей.

Господа или граждане.

Что отражает «Отражение».

Быть или не быть... телевизионщиком?

Как найти тему для беседы? А чего её искать, сказали в редакции – и всё тут, иди работай.

Ну, во-первых, зачастую именно сам журналист находит, с кем и о чём разговаривать. А во-вторых, «данное пособие» адресовано не только будущим репортёрам, ведущим, но и редакторам, продюсерам, организаторам телевизионного процесса.

Конечно, тему интервью чаще всего диктует сама жизнь, события. Это может быть пуск мясомолочного комбината. Или рекордный урожай где-нибудь на Кубани. Или премьера спектакля. Или открытие астрономами пригодной для жизни планеты. Или находка интересной берестяной грамоты. Или выход в свет собрания сочинений известного писателя. Ну, или уникальная операция хирургов.

Я перечислил всё то, чего – удивительное дело! – на нынешнем экране почти не увидишь. Ибо, к сожалению, поводом для интервью сейчас чаще всего являются пожары, наводнения, крушения, разного рода судебные процессы.

Но надо сказать, многие областные и республиканские каналы всё же дают реальную действительность, пусть и с изрядной долей происшествий. Да и на федеральных каналах нет-нет, да и проскальзывают сюжеты вроде тех, которые я перечислил в начале главы. К тому же приверженность ко всякого рода катастрофам – это своего рода болезнь, от которой отечественный экран рано или поздно излечится, в противном случае его просто-напросто перестанут включать. Да, придёт новая команда телевизионщиков, которая, наконец, захочет, сумеет показать жизнь нашей России во всём её многообразии, во всём её цветении. Вот этой-то новой команде и адресована моя книга. Хотя, конечно, она рассчитана ещё и на тех, кто уже трудится на том или ином канале. **И поэтому исследование, посвящённое самым важным и самым «первоначальным» жанрам, наряду с прямыми советами и рекомендациями содержит и раздумья над различными явлениями в современной телевизионной журналистике.**

Вот я сейчас набираю эти строки, а на телеэкране два молодых журналиста (он и она) берут интервью на очень необычную и вместе с тем очень нужную тему. Да ведь, пожалуй, об этом вообще впервые говорится на экране. Речь идёт о том, как и где... хоронить домашних животных. Кто с этой проблемой сталкивался, тот понимает, как тут всё непросто. Надо отдать должное ведущим: они точно нашли уважительную и строгую тональность беседы. Уважительную – по отношению к владельцам кошек и собак, да и к самим четвероногим, чей век, увы, короче человеческого.

Журналисты спрашивают: «Скажите, а как этот вопрос решался в советское время?» Собеседница даёт какой-то неопределённый ответ и замечает: «Да ведь тогда и собак-то было куда меньше». Я прикидываю – сколько же лет этой женщине? Тридцать? Ну, может чуть больше. А журналистам? Тоже в районе тридцатника. Ну, может, чуть меньше. Не видели они «советского времени». Не видели – и никакой вины, конечно, в этом нет и быть не может. А вот сколько лет зрителю? Какой его средний возраст? Смотрю статистику. По разным источникам – 47 лет! И с каждым годом эта цифра увеличивается. То есть, применительно к данной беседе, зритель-то хорошо помнит, что собак и кошек бегало тоже довольно много. Особенно в провинциальных городах.

А сколько других, куда более значимых вопросов, было бы легче решить ведущему – ровеснику зрителя?

В таком жанре, как интервью, ведущий – это представитель людей по ту сторону экрана. Он спрашивает то, что хотел бы узнать телезритель. Наверняка любой канал, пригласивший к себе, наряду с молодёжью, журналистов среднего, а то и старшего поколения, только выиграл бы. И жанр телеинтервью засверкал бы новыми гранями.

Кстати, не по этой ли «возрастной» причине на телевидении нашем забыли про... отчество? Все – Маши да Саши. «Ты меня слышишь, Маш?» И в ответ: «Да, Саш, хорошо слышу, продолжай». Вот сейчас телезрительница звонит в студию, рассказывает, что зарыть собаку она решила на дачном участке. Возникает титр: «Зинаида. Пермь». А ведь, судя по голосу и по оборотам речи, Зинаиде этой лет под семьдесят. Но вот звонит в студию врач. Титр: «Галина из Перми». «Вот скажите Галина, как вы смотрите на эти вещи?» – бойко спрашивает ведущий. Какое неуважение к профессии! Ну, не принято у нас в России обращаться к врачам только по имени. Так же, как и к учителям.

Имя-отчество – это великая особенность русского языка. Она заполняет пробел между фамильярностью имени и официальностью фамилии.

Поэтому автор настоящего учебника рекомендует **в различного рода интервью, вне зависимости от возраста собеседника, уважительно, как и следует на Руси, величать его «по батюшке».**

Кстати, в коридорах «Останкино» я слышал и такую версию. Где-то произошло совещание основных каналов, на котором было решено, что «в целях единообразия» везде и всюду отчество отменить. Как там «у них»? Майкл, Билл, Джон...

И вот тут возникает один вопрос, на который, честно говоря, я даже и не знаю, что ответить. А ведь он имеет прямое отношение к жанру интервью.

Вы сели в маршрутку, достали деньги и хотите передать их водителю. Но... как окликнуть ту женщину, что сидит в кресле перед вами? «Девушка, передайте, пожалуйста» – не получится, возраст совсем не тот. «Женщина, передайте, будьте добры» – как-то неуважительно. «Гражданочка» – это напоминает знакомые по фильмам времена НЭПа. «Госпожа» – так и не привилось у нас, хотя в ранние ельцинские времена пытались возродить именно это обращение. Ну?

И вы, робко постукивая пальцем по плечу «гражданочку-госпожу», бормочите: «Это... в общем... отдайте ему».

Во всём мире есть господин, мистер, пан, сан. Только у нас... Ну да ладно, а нам-то, журналистам, как быть, как вести интервью? Сегодня в нашей студии... кто? Просто – Иван Петров, просто – директор рыбокомбината. Вот перед вами несколько собеседников. Поговорив с одним, вы хотите обратиться ко всем. «А вот ответьте мне, господа, сложно в вашем городе открыть малое предприятие?» «Господ» нет, и вы задаёте вопрос более витиевато: «Хорошо бы теперь узнать у всех у вас, у вас у всех, сложно ли»... ну, и так далее. Не знаю, как вы, а я сторонник того, чтобы во всех официальных бумагах, письмах, обращениях стояло бы «господину такому-то». Глядишь, через год-другой слово стало бы обиходным. И прибавилось бы в людях уважение к себе и к другим. А этого, согласитесь, очень не хватает нашему обществу. Кстати, «самоуважение» – неплохая тема для беседы, да?

Мы начали разговор с **событийного интервью**, то есть такого, которое журналист берёт или прямо во время события или непосредственно после него. Казалось бы, тут всё ясно, вот она, тема, бери её. Однако...

Вот ведущий сообщает о крушении самолёта. И буквально через несколько минут (скорее, скорее, пока зритель не отошел от телевизора) продюсеры выводят на экран по скайпу известного лётчика-испытателя. Ведущий, едва поздоровавшись, вопрошает: «Скажите, как могло такое случиться?» Лётчик-испытатель выдвигал всякое, его не смущает. Но тут теряется

даже он. «Понимаете... Я ещё не в курсе... Надо подождать, пока появятся хоть какие-то сведения...» Тут уже теряется ведущий: в самом деле, не бросать же только что начавшийся разговор. «Но всё-таки, – продолжает он загонять в угол и собеседника, и самого себя, – это мог быть теракт?» Слегка оправившейся лётчик понимает, что беседу надо выводить из штопора и привычно берёт ручку управления на себя. Он просто-напросто рассказывает, какие бывают причины падения самолётов – не привязываясь к сегодняшнему случаю, о котором он, действительно, пока ничего не знает. Понимаете? Крушение лайнера – это не тема интервью, это только информационный повод. А тему должен был продумать редактор, продюсер или сам ведущий. Ну, например, расспросить лётчика, не доводилось ли ему пилотировать подобные самолёты, а если да, то каковы их характеристики. Но уж никак не выпытывать у собеседника, что случилось – всего через полчаса после того, как это случилось.

Да, перед «событийным» интервью вы, может статься, не успеете наметить конкретные вопросы, драматургию беседы. Но!

Основную тему обсуждения вы обязаны определить заранее, как бы некогда вам ни было.

Хотя бы за три минуты до эфира.

Не надейтесь, что всё получится «по ходу дела». Не всем же везёт на находчивых испытателей.

Конечно, тема гораздо проще обозначается тогда, когда о событии известно заранее. К примеру, это может быть какое-то постановление, которое приняла сегодня Государственная дума или Законодательное собрание вашей области. Тут, естественно, есть время определить, кто же будет у вас собеседником, и представить, что именно хотел бы у него выяснить телезритель.

А заранее корреспондент может узнать о событии в том случае, если он сам постоянно следит за той или иной областью общественной жизни.

Многолетняя практика показывает, что **в правильно устроенной новостной редакции должна быть специализация корреспондентов.** Кому-то поручается освещать вопросы экономики, кому-то – науки, кому-то дана на откуп культура. Уже само появление на экране того или иного корреспондента ассоциируется у зрителя с определённой тематикой. А то как получается? Вот целое лето журналистка ведёт репортажи из Киева. За это время достаточно изучила непростую украинскую реальность, мы ей, безусловно, верим, она не ошибётся ни в произношении фамилий-должностей, ни в нюансах парламентских стычек. Но вот она возвращается в Москву и тут – ба-бах! – в эфир выскакивает её репортаж из магазина, где люди ещё с вечера занимают очередь за какими-то необыкновенно дорогими и чудачковатыми кроссовками. Я не шучу. Да вы, может, и сами видели этот материал. Я сначала думал, будто здесь какая-то связь с Украиной. Что корреспондентка сейчас покажет очередную пару и объяснит: вот такую продукцию выпускают теперь в Харькове. Или там в Хортице.

А потом её окунули в какую-то ещё странноватую тему, потом ещё... И вчера, когда она вновь появилась на балконе где-то в районе Крещатика, я сразу подумал: а ведь пора в магазин бежать, кроссовки начисто истоптались.

Ещё один пример, не такой забавный, но зато более выразительный. На Олимпиаду в Рио-де-Жанейро наряду с профессиональными спортивными комментаторами отправили журналистку, которая запомнилась зрителю сугубо политическими репортажами и интервью. Причём интервью эти по своей форме были всегда агрессивно-наступательными. Естественно, журналистка в незнакомой атмосфере почувствовала себя неловко, и недостаток спортивных знаний пыталась компенсировать свойственной ей напористостью. В результате её голос, и без того плохо поставленный, сбивался на визг, а в торопливом потоке слов проскакивали такие фразы, как: «С минуту на минуту наши девушки появятся за нашей спиной». Так и представляю российских синхронисток, одна из которых говорит другой: «Слушай, где там спина этой

журналистки? Надо бы за ней показаться. Синхронно». Но главное даже не это. Просто-напросто в тот момент, когда она берёт интервью, в её вопросах, по привычке, ищешь какой-нибудь подвох, издёвку, стремление узнать то, что собеседник тщательно скрывает. Вот она подходит к нашей спортсменке, которая только что оказалась обладательницей бронзовой медали – это при том, что она твёрдо рассчитывала на золотую. Спортсменка – вся в слезах, а корреспондент с задорной улыбкой спрашивает: «Катя, вы счастливы, тяжело было?»

Точно такое же недоумение возникает, когда журналиста, уже получившего известность в одном жанре, перекидывают на другой. Он несколько месяцев подряд берёт интервью у гостей студии, и вдруг поручают ему чтение информации. Ошибка, граничащая с невежеством – со стороны того, кто «перекидывает». Журналист чувствует себя не в своей тарелке, да и зрители по привычке ждут, что вот-вот он закончит оглашение первой новости и скажет: «А вот что по этому поводу думает эксперт Иван Иванович?» Камера отъедет, обнаружится сидящий за тем же столом Иван Иванович, и начнётся привычное интервью. Ан нет, неожиданно для зрителя ведущий читает следующую новость, потом ещё одну. И почему-то кажется, что всё это ему неинтересно. А, значит, неинтересно и тем, кто по другую сторону экрана.

В редакции «Маяка» за мной «закрепили» авиацию и космонавтику. В архиве сохранился снимок, где я в московском аэропорту беру интервью у вернувшихся из заграничной поездки космонавтов Валерия Быковского, Валентины Терешковой, Андрияна Николаева. (Публикуется впервые)

В телепрограмме «Время» и в радиопрограмме «Маяк» в восьмидесятых – девяностых годах прошлого века работа была построена так: почти каждый корреспондент имел свою информационную сферу, он знал все события, которые здесь произошли, происходят или ещё произойдут. Взять интервью у соответствующих специалистов или руководителей он мог в любое время, никому в голову не приходило, что для этого нужны какие-то продюсеры.

Так что в данном случае новым может оказаться хорошо забытое старое.

Всё это, безусловно, относится к чисто информационным службам. Но ведь есть редакции, которые строят программу на темах **актуальных**, прямо не связанных с сегодняшними,

сиюминутными событиями. Здесь, конечно, специализация просто ни к чему. Наоборот, журналист должен быть «универсальным».

На Общественном телевидении России с некоторых пор появилась программа «Отражение», которая как раз специализируется на таких интервью. Название чрезвычайно удачное, потому как не только выражает задачу программы – показывать, **отражать** жизнь страны – но и содержит в себе аббревиатуру ОТР.

Идёт она в эфир каждый будний день в самое смотри-бельное время, с 17 до 21 часа. За четыре часа ведущие успевают обсудить с гостями студии пять – шесть различных тем. Причём диву даёшься, как точно создателям программы удаётся эти темы подобрать. Смотрится всё это просто «взахлёб».

Ну, вот сейчас, например, в эфир прошла беседа об... огнетушителях. По-настоящему они должны быть в каждом автомобиле, в каждом дачном домике. Но по ходу интервью становится ясным, что, даже если огнетушители и «наличествуют», ими почти никто не умеет пользоваться. «Отражение» – программа интерактивная, и вот ведущие выясняют, что, по крайней мере, никто из опрошенных телезрителей не представляет, «как это включается». Есть и ещё одна проблема, на которую сетует приглашённый в студию специалист. Он ставит прямо на стол несколько огнетушителей и объясняет, что половина из них – бракованные, показывает, на что обратить внимание при покупке.

Согласитесь, что тема – важная и свежая (в смысле – до этого никто на неё не обращал внимания). Но вот к какому виду интервью это отнести – честное слово, не знаю; оно, конечно, не событийное, да ведь и актуальным его не назовёшь – нынешним летом, слава богу, никакой эпидемии пожаров не было. Или, например, только что прошло в эфир интервью на тему «должны ли дети, достигшие восемнадцати лет, жить отдельно от родителей». Интересно? Безусловно. Однако, опять же, никакого повального ухода детей а-ля братья Стругацкие в «Гадких лебедях», за последнее время не наблюдалось.

Ладно, оставим теоретикам возможность всё разложить по запылённым теоретическим полочкам.

Когда эта книга ещё только задумывалась, я решил свой собственный опыт интервьюера дополнить опытом других практиков жанра. Поэтому, естественно, приехал в редакцию «Отражения», спросил, как они сами сформулировали бы свой принцип тематического отбора.

«Знаете, тут важна даже не сенсационность темы, ведь по-своему могут быть интересными и всякие крушения-затопления, – ответили мне. – Мы, по определению, являемся телевидением общественным, для нас главное – именно общественная значимость материала. К тому же любую проблему можно повернуть так, что люди только всплеснут руками: «Какой ужас!» А мы стараемся выяснить, что можно самим сделать в той или другой ситуации, подсказать чиновникам, как улучшить положение в той или другой отрасли».

«А кто же у вас так снайперски находит эти «общественно-значимые темы?» – спросил я и получил ответ неожиданный: «Все». – «Это как?» – «У нас каждый день в 12 часов – летучка. На ней, как правило, присутствуют редакторы, продюсеры и, конечно, ведущие. И вот **каждый** вносит своё предложение. А мы все вместе или это предложение принимаем или отклоняем. Кстати, вместе с темой, как правило, намечается человек, который будет давать интервью в студии, да и те люди, которые появятся в процессе беседы по скайпу. Таким образом, формируется список тем «на завтра» и заодно ещё раз уточняется список тем «на сегодня».

Естественно, я поинтересовался, как выглядит в результате такой график. И порадовался тому, насколько профессионально (и коротко) в нём дан перечень будущих бесед. Ну, например: «Минтранс России призвал регионы сделать всё возможное для сохранения трамваев и троллейбусов – самого экологического вида транспорта. Только в 2016 году пути разобрали в восьми крупных городах страны. Однако автобусы там так и не стали действенной альтернативой, отмечают наблюдатели». Далее в соответствующей графе назван специалист, который

будет давать интервью – научный сотрудник Института экономики транспорта и транспортной политики Егор Мулеев, а в другой рубрике стоит пометка – «стрит-ток», и перечислены города, в которых этот стрит-ток (проще говоря, уличный опрос) проводился: «Нижний Новгород, Воронеж, Владивосток». Стало быть, в студии пойдёт беседа с Егором Юрьевичем, а по ходу дела, подряд или в разбивку, зрителю покажут уже заготовленные видеозаписи. Никаких дополнительных интервью по скайпу в этом случае не предусмотрено, хотя во многих других случаях «Отражение» к такому приёму прибегает – ну, например, если нужна другая точка зрения, нежели у специалиста в студии. Здесь нет никаких указаний и по поводу интерактивного включения телезрителей – по той простой причине, что ведущим это и так понятно, они обязательно дают им слово по мере поступления звонков или по мере того, как в беседе возникает необходимость свежего вопроса.

«Интерес к бумажной литературе не падает, зайдите к нам в любой день, народу – полно!» Директор «Дома книги» на Арбате Надежда Ивановна Михайлова увлечённо рассказывает о своём любимом деле, в то время как ведущие выискивают наиболее интересные вопросы зрителей...

...которые, иногда озадачивают...

...иногда забавляют...

...но неизменно являются поводом для содержательных ответов

...так что в конце беседы Оксана Галькевич удивляется: «Тут ещё масса вопросов, но... время-то истекло! Приходите к нам снова»,

Мне, к сожалению, не довелось увидеть этот материал. Поэтому я не знаю, свели ведущие всё дело к чисто экономическим и экологическим соображениям или всё-таки вспомнили

о том, что, например, троллейбус значит для москвичей, какое количество встреч и разлук связано с ним, поездки в школу, институт, на работу, на свидания, вспомнили военную хронику, где троллейбусы пробираются в прогалы между «ежами» и баррикадами, перевозят раненых, упомянули о том, что самый близкий к центру столицы, отчаянный бой разгорелся 16 октября 1941 года на Ленинградском шоссе, в том месте, которое называли «троллейбусным кругом», вспомнили знаменитое окуджавинское: «Когда я невмочь пересилить беду, когда подступает отчаяние, я в синий троллейбус сажусь на ходу, последний, случайный»... Да что Москва? А Крым с его самой длинной в мире троллейбусной дорогой – 96 километров! Я видел, как радовались в Симферополе и Ялте, когда удалось прорвать энергетическую блокаду и «рогатые» вновь пошли через Ангорский перевал, где установлен – опять же, единственный в мире! – памятник: троллейбус на пьедестале.

Около 70 % этого экологичного транспорта сосредоточено в российских городах, и недаром троллейбус на Западе как-то связывается с образом России...

Лично для меня Москва без троллейбусов – не Москва. А ведь, не дай бог, уберут. Чиновники, которые не чувствуют города нашего, его душу, для которых Москва златоглавая – это просто набор улиц и переулков.

Нет, журналист не только тот, кто видит зорче других. **Журналист – тот, кто способен сам переживать за состояние дел и умов в стране, кто способен передать другим эти переживания.**

В недельном графике «Отражения», который мне довелось изучить, я насчитал три темы, напрямую связанные с селом. Самое удивительное, что этому приходится удивляться. Деревня начисто исчезла с отечественных экранов. И это в России-матушке, где сельских жителей – 25 процентов! Стало быть, каждый четвёртый зритель обитает в деревне. И даже больше, потому что здесь смотрят телевидение куда чаще, чем в городе, самому доводилось жить в бревенчатом доме возле околицы, знаю... **Какое бы интервью вы ни вели, какую бы тему ни выбрали – всегда помните о сельчанах.** Вот идёт на экране интервью с синоптиками. Молоденькая ведущая заявляет: «Уже с завтрашнего дня погода испортится, снег пойдёт». Цыпочке на каблучках невдомёк, что снега этого, как манны небесной, ждут на селе, что ещё немного – и озимые, ничем не укрытые, окончательно вымерзнут. «Испортится».. Да и вообще, все каналы, как сговорившись, стращают нас оранжевыми, красными или какими там ещё уровнями опасности. Только что февраль наступил, а с экрана уже несётся: «Ежегодно весенние паводки наносят России огромный экономический ущерб». И в тоне – столько тревоги, что хоть из дома не выходи: а вдруг на пути до гаража паводок смоеет. В этой книге я несколько раз перехожу от прозаической речи к стихотворной, мне кажется – так точнее, рельефнее и даже короче можно донести до читателя ту или иную мысль. Поэтому здесь привожу стихотворение из недавно выпущенного издательством «Алгоритм» моего сборника «Первоначальное желанье»:

С утра прокаркают с экрана,
Пророча кризис, кары, крах.
В конце добавят о буранах,
Потом про оползни в горах.

Вот завели себе привычку!
Как будто тишь да благодать,
А тут влетает синоптичка,
И ну погоду пугать.

Она расхаживает цаплей
Вдоль наших речек и лесов,

Везде разбрызгивая капли
Липучих вредоносных слов.

«В Сибири – жуткие морозы,
Поволжье снегом занесло,
Бушуют на Кавказе грозы,
Спалили целое село.

И в Подмоскowie – просто ужас:
Зима за осенью идёт!
Погода с каждым днём всё хуже,
Повсюду лёд и гололёд».

И переполнится копилка
Тревог, волнений и обид.
Один потянется к бутылке,
Другой в аптеку побежит,

А третий... Он найдёт отмычку, —
Мухлёр нехитрый просечёт
И злую птичку-невеличку
Надёжно в ящике запрёт.

И будет жить себе на радость
Забыв про язву и мигрень,
В морозы снегом обтираясь,
Дождём и ветром восторгаясь,
Считая чудом каждый день!

Показательно, что в тот момент, когда и впрямь надо было ударить во все колокола, предупредить людей о нависшем катаклизме, телевидение ограничилось невнятицей об «оранжевом уровне опасности». Я имею в виду ураган, который пронёсся над Москвой 29 мая 2017 года. Ведь никто же не прервал передачу, кинофильм, концерт, не возник на экране со словами: «Внимание! Не выходите на улицу! Позовите детей со двора! Предупредите родственников и знакомых!» Да и кому «возникать»? Если телеканалы типа «Россия 24» всё-таки имеют ведущих, которые почти не покидают студию, то на остальных каналах их просто нет как нет. Передача идёт за передачей, всё межэфирное пространство напрочь забито рекламой.

И тут я обращаюсь к тем моим читателям, которые намереваются стать (или уже стали) продюсерами, организаторами телевизионного дела. Постарайтесь возродить замечательную традицию отечественного телеискусства: пусть снова появится на экране хозяин (хозяйка) эфира. То есть человек, который весь вечер, весь день или утро общается со зрителем «глаза в глаза», объясняет, что было сейчас в программе, что ещё предстоит, читает срочные новости, отвечает на вопросы зрителей, а если надо – предупреждает о всяких опасностях. Старшее поколение хорошо помнит, как люди спрашивали друг у друга: «Кто сегодня – Ниночка или Анечка?» – имея в виду любимцев зрителей Нину Владимировну Кондратову и Анну Николаевну Шилову.

Но вернёмся к «Отражению». В графике той же недели помечена и такая тема:

«Всего за несколько месяцев в стране уволились около 50 тысяч санитарок и 16 тысяч фельдшеров и медсестер. Параллельно идёт процесс оптимизации стационарного звена в мед-

учреждениях. Сокращения приводят к тому, что большая нагрузка ложится на плечи врачей, это касается, например, бумажной работы. В итоге у медиков меньше времени на лечение пациентов».

Опять же – не привелось мне увидеть передачу, был как раз... в нашей поликлинике на Новоясеневском проспекте.

«Заходите, Алексей Евгеньевич, – говорит мне знакомый терапевт, – заранее извиняюсь, у нас всего 15 минут». – «Да мне-то только курортную путёвку подписать, а вот как же вы с остальными?» – «Представьте, вышло такое постановление: на каждого больного четверть часа. Вот и крутись, как хочешь». – «Но ведь у вас теперь и медсестры нет?» – «А она – видали? – в коридоре сидит. Одна на несколько врачебных кабинетов».

Моя мама была врачом-терапевтом в поликлинике маленького подмосковного города. Вот на полке её фотография: Ольга Петровна ведёт приём, рядом с ней что-то записывает неизменная медсестра, одна и та же в течение многих лет; с полуслова понимает, кому какое лекарство выписать, кому и на сколько дней бюллетень дать, кого до подъезда проводить, успокоить. Тогда, в не очень-то сытые пятидесятые годы, никому в голову не приходило отнимать у врача его первого помощника, да ещё отводить на приём больного 15 минут. Знают ли обо всём этом наши молодые журналисты? (В данном случае я имею в виду журналистов вообще, а не только тех, что в ОТР). Где они сами лечатся? В «Кремлёвке»? За границей?

«Вот те на! – воскликнет читатель. – Вы хотите сказать, что человеку из состоятельной семьи в журналисты и соваться не надо? Ведь он наверняка пользуется медициной платной, на троллейбусах не ездит, отдыхает не в Крыму, а где-нибудь **там**, детство провёл не на окраине села, а в коттедже на Рублёвке. То есть он живёт совсем не той жизнью, которой живёт среднестатистический телезритель. И вместе с тем, давайте представим, – умён, талантлив, голос звучный, внешность телегеничная».

Ну, что тут ответить?

В самом деле, не виноваты же парень или девушка в том, что родились в той семье, а не в этой. Конечно, при желании он (она) со временем сможет узнать страну, её проблемы, особенности. Но **знать и чувствовать** – вещи разные.

И всё же. Если вы **очень** хотите стать телевизионщиком, если без этой профессии для вас жизнь – не жизнь, тогда...

...тогда считайте, что я вам ничего не советовал.

Глава вторая

Как построить интервью

Мусорная карта.

Эвелина Закамская начинает с космоса.

Александр Мязченков: с интригой за пазухой.

Русскую песню защищает Марина Девятова.

«Впервые в России создаётся карта мусорных свалок. Эту тему мы будем обсуждать в нашем эфире через час», – объявляет ведущий. Чуть позже он опять анонсирует беседу, и, когда в кадре возникает гость, повторяет: «Итак, в нашей стране появляется такая необычная и такая нужная карта». Затем он представляет гостя и сходу задаёт первый вопрос: «Скажите, чем поможет этот документ специалистам?» Собеседник, человек обстоятельный и даже чуточку медлительный, делает паузу и заявляет: «Да вы знаете, такая карта и не очень-то нужна».

Казалось бы, интервью летит под откос. Вся интрига беседы строилась на этой пресловутой карте, а тут – на тебе. Может, вначале надо было о чём-то другом спросить, например, что можно считать свалкой, вот груда мусора перед дачным посёлком – она подходит под это понятие? А уж потом задавать основной вопрос. Но журналист пошел по другому пути – и, представьте, не проиграл. Вышло, что карта – это только повод для беседы, что настоящая проблема гораздо серьёзнее и интереснее. Таким образом, начало интервью стало просто её завязкой, после которой, минут через десять, наступила кульминация: речь пошла о замусоренности наших просторов, о неспособности властей на местах решить эту проблему, о том, во что обходится утилизация отходов.

Да, настоящее интервью строится по классическому принципу драматургии: завязка – развитие сюжета – кульминация – развязка.

Завязкой, а точнее – **предзавязкой** – может служить представление вашего собеседника и представление темы.

Сплошь и рядом интервьюеры забывают сделать и то, и другое, в начале беседы говорят, что, дескать, у нас в гостях «хирург Иванов», «депутат Иванов» или «стюардесса Иванова», а дальше – пошло-поехало. И этим самым сразу снижают интерес к интервью. В самом деле, что толку смотреть беседу с человеком, о котором зрителю известны только имя и должность. Конечно, проще обстоят дела с писателями, артистами, спортсменами: они всё-таки примелькались на экранах. Но и тех стоит всё же представить, упомянуть о книгах писателя, ролях артиста или достижениях спортсмена. Тем более необходимо сказать несколько слов о том, чем замечателен именно этот хирург, этот депутат и эта красавица-стюардесса.

Ну, хорошо, а тему-то зачем называть? Уже ведь по первому вопросу станет ясно, о чём пойдёт речь. Нет, не ясно. Зритель ждёт, допустим, от стюардессы сведений о скидках на билеты, а вы почему-то во время всего интервью её о сервисе спрашиваете. Вот если бы вы с самого начала назвали зрителю тему беседы, он на неё и настроился бы.

И ещё я просто обязан написать о забавной ошибке, которую почему-то делают многие журналисты. После фразы ведущего «мы сегодня беседуем с хирургом Ивановым» следует: «Здравствуйте, Иван Иванович!» Это было бы оправдано, если бы хирург влетел в студию со словами «фу ты, еле успел, пробки-то сегодня, пробки!» Но Иванов спокойно сидит себе рядом с интервьюером, и, судя по всему, сидит уже минимум как минут пять. Так чего здороваться? Если интервью идёт по радио, здесь «здоровканье» хоть как-то оправдано: этим самым обозначается, подтверждается наличие в студии Ивана Ивановича. Но тут зритель и так имеет возможность наблюдать хирурга. И что, вовсе не здороваться? **Не здороваться.** Потому что

это нарушает правду, логику происходящего, нервирует не очень знакомого с телевизионными условностями хирурга Иванова: «Здоровается, значит, мы уже в эфире... Бр-р-р...» Ведущему куда лучше сразу перейти к обозначению темы: «Сегодня мы поговорим о будущем хирургии».

Поучительный эпизод я «подглядел» на канале «Первый Донецкий». В начале передачи «Парламентский час» ведущий Андрей Машков, «как и положено», поздоровался с гостем студии. А гостем в этот раз была депутат Народного Совета ДНР Алла Бархатова. Так вот, она, конечно, ответила: «Здравствуйте, Андрей». И тут же, повернувшись к камере, произнесла: «Здравствуйте, дорогие телезрители». Причём произнесла это «с напором», как главное. То есть Алла Викторовна, которой по роду занятий ежедневно доводится общаться с множеством людей, мгновенно повернула ситуацию таким образом: с ведущим надо поздороваться, раз уж так заведено, но всё же главное – поприветствовать зрителей. И дальше, на протяжении всего интервью, Бархатова, естественно, отвечала на вопросы ведущего, но чувствовалось, что говорила-то она прежде всего с людьми «по ту сторону экрана». Тем более тема беседы была чрезвычайно актуальной для Донецкой республики: распределение поступающей из России гуманитарной помощи. Эта помощь по-прежнему нужна, но сейчас есть необходимость не столько в продовольствии, сколько в строительных материалах – идёт возрождение жилищ, детских садов, больниц. Алла Викторовна рассказала и об одной школе, которую сейчас рабочие собираются тщательно... законсервировать. Здание находится неподалёку от линии разграничения, там опять идут бои. «Надеемся, что к следующему учебному году тут всё-таки можно будет начать занятия, дети любят эту школу».

Дай бог, чтобы к тому моменту, когда к вам в руки попадёт эта книга, в классы пришли уже не строители, а учителя, и в ответ на «Здравствуйте, ребята!» прозвучит дружное «Здравствуйте, Марья Ивановна!»

Выстраивая сюжет интервью, не делайте ошибки начинающих писателей: они находят эффектное начало, а дальше – дальше как вывезет. У них зачастую после бойкого первого акта идёт тяготи́на, так и видишь драматурга, ночами напролёт шагающего по кабинету в поисках продолжения. Нет, вам нужно **сразу** решить, что будет основной интригой беседы, и тогда интересный сюжет, включая зачин и концовку, появится сам собой.

На канале «Россия-24» самым «главным интервьюером» по праву считается Эвелина Закамская. Перед годовщиной ГКЧП она повстречалась с несколькими основными участниками событий, приведших к распаду СССР. У нас ещё будет случай поговорить об этом интереснейшем цикле передач, а сейчас давайте приглядимся только к одной беседе.

Эвелина Владимировна приехала в гости к Олегу Дмитриевичу Бакланову, в советское время – министру общего машиностроения, крупному специалисту в области ракетно-космической техники, в 1991 году ставшего членом Государственного комитета по чрезвычайному положению. Вопреки ожиданиям телезрителей, да и самого Бакланова, она начала отнюдь не с ГКЧП. «Олег Дмитриевич, вот у вас на столе лежат книги о космосе. Сразу виден род ваших занятий, род ваших интересов. Как вы думаете, что произошло в этой отрасли за последние 25 лет, удалось ли нам удержать те лидирующие позиции, которые были завоёваны в советское время?» Конечно, Закамская хорошо знала, что для Бакланова эта тема вечно актуальная и вечно болезненная. И вот Олег Дмитриевич с досадой начинает рассказывать о том, как Горбачёв, по сути, закрыл блистательно начатую программу космических кораблей «Буран», перестав её финансировать. А потом разговор как-то незаметно вырывает на тему о военном лихолетье, которое застало девятилетнего Бакланова в оккупированном Харькове. «Были такие моменты, когда я и в живых-то не думал остаться», – вздыхает Олег Дмитриевич, и тут-то Закамская в разгоревшийся костёр беседы подбрасывает такое полено: «Скажите, а были в вашей жизни ещё такие переломные моменты?» После этого, естественно, и всплывает история с ГКЧП. Журналистка спрашивает – вы сейчас так же поступили бы? И получает в ответ:

«Да, так же, только лучше». Бакланов считает, что участниками ГКЧП «была проявлена мягкотелость, надо было изолировать человек 50, а народу объяснить, что же мы хотели».

Не знаю, рассчитывала ли Закамская на такой ответ, но дальше её слова несколько необычны для неё самой, ведь она старается в беседах не «встревать» со своими личными наблюдениями и переживаниями, не заслонять ими наблюдения и переживания собеседника. «Вот вы говорите – нужно было **объяснить** народу. А народ вас поддержал бы? Мне было 15 лет в 1991 году, я помню реакцию родителей, реакцию друзей, знакомых, и – она, скорее, была против ГКЧП. Потому что не понимали, потому что всем хотелось свободы, всем так хотелось воздуха, а воздуха не хватало. А вы не чувствовали, что воздуха не хватало?»

Сказано искренне, но ведь и ответ получен совершенно искренний!

«Вы знаете, я никогда не чувствовал, что воздуха не хватает. Я работал. Работал сидя, а не мог сидеть – лёжа работал».

Вот так. Олег Дмитриевич **дышал работой**, творчеством, никакого другого воздуха ему и не нужно было. Так понимал он свою миссию, своё служение Родине. И когда лишился этой работы (а вместе с ним и тысячи других, подобных ему людей), вот тут он почувствовал себя несчастным. Кинулся убеждать Горбачёва, объяснять ему, что «космос – это будущее», но наткнулся на холодное рассуждение: «А ты понимаешь, сколько денег уносит один запуск?»

И надо отдать должное Эвелине Владимировне, она удержалась от любого упрека, любой укоризны, которые могли бы, так или иначе, просквозить в её вопросах. Просто позволила себе уточнить: «А почему же люди думали тогда по-другому?» – «Не знаю... И не понимаю, как можно было оболванить столько народу... Видимо, были допущены какие-то ошибки».

Я ещё раз обращаю внимание читателя на этот приём, когда интервьюер начинает не с того вопроса, которого ждёт собеседник, иначе он выпалит заранее подготовленный, заученный ответ. Это будет чуть подогретое в микроволновке блюдо, а вот в ходе самой беседы такое блюдо придётся срочно варить заново, оно будет свежим, эмоциональным.

Ну, вот, а теперь посмотрите, как выстраивает интервью другой мастер этого жанра, Александр Васильевич Мягченков. Его цикловая передача так и называется – «Разговор с Александром Мягченковым»; один из таких **разговоров** мы и возьмём для примера.

Начинается он вроде бы обычно и буднично – журналист представляет зрителям своего собеседника: «Герой нашей сегодняшней передачи – Леонид Иосифович Эрман, легендарный директор Московского театра «Современник». Вначале – небольшая справка, если что-то не точно, вы меня, пожалуйста, поправьте. Леонид Иосифович – ветеран войны, ушел на фронт в 18 лет. Потом поступил в школу-студию МХАТ на постановочный факультет. В 1958 году приглашен в театр «Современник», работал директором-распорядителем этого театра. В 1976 году по просьбе Олега Николаевича Ефремова перешел во МХАТ. Но в 1989-м вернулся в «Современник». За годы его директорства были созданы самые знаменитые спектакли этого театра, более 50 раз проходили гастроли по всему миру».

Всё это – как бы разбег для интервью, а вот на следующей фразе наступает момент взлёта: «В 2012 году Эрман уходит из театра, ушел из театра, или – **ушли**, как пишут в интернете?»

Пауза. Хотя, заметьте, Мягченков осторожно предупредил собеседника: сейчас будет какая-то неожиданность, фраза «если что не точно, вы меня поправьте» была сказана неспроста, Александр Васильевич – человек опытный, и уж наверно проверил все данные досконально.

Пауза чуть затягивается. У Эрмана вообще такая манера – говорить не торопясь, обдумывая каждое слово, но, на всякий случай, Мягченков произносит: «Всё это было совсем недавно, однако, вы знаете, жизнь такая штука: то, что происходило там лет тридцать назад, кажется очень близким по времени, а то, что было вчера...» Журналист не договаривает, он по глазам собеседника понимает, что тот готов к ответу.

Хороший приём, которым, в общем-то, владеют все опытные интервьюеры. **Если вы видите, что собеседнику надо дать несколько секунд на обдумывание ответа, вставьте промежуточную, нейтральную фразу.**

Но дальше происходит ещё один неожиданный поворот в беседе. Оказывается, журналист вовсе и не ждёт ответа на заданный вопрос. Ему достаточно того, что Леонид Иосифович **готов** ответить. Мягченков продолжает: «**2012** год. Театральная Москва гудела: Эрмана уволили! Вот почему так случилось, мы поговорим чуть позже, пусть сохраняется такая интрига для наших зрителей. А сейчас вы скажите, за это прошедшее время какое было самое яркое событие в вашей жизни?»

Редкий случай – как специально для учебника! – что журналист прямо указывает на приём **интриги** в беседе. Но в данном случае приём этот важен не только и не столько для того, чтобы поддерживать интерес зрителя. Перед тем, как рассказать «почему так случилось», Мягченкову необходимо объяснить, что значил Эрман для театра и театр для Эрмана, вот тогда по-настоящему высветится весь драматизм всего произошедшего. Иначе зритель, не знающий в деталях закулисную жизнь, может сказать: «Ах, подумаешь, уволили, с кем в наше время не бывает».

А вопрос, который Мягченков задаёт Эрману, не так уж и банален, как это могло показаться на первый взгляд. Журналист прекрасно знает, что никаких таких «ярких событий» в жизни бывшего директора не было, да и не могло быть. И сам Леонид Иосифович тут же это и подтверждает: «Знаете, я привык, что события в моей жизни – это театральные события. Особенно грустно то, что я за эти два с половиной года ни разу не побегал в «Современник» на его новый спектакль». – «Как же так? – удивляется Мягченков. – Когда вы уходили из театра «Современник», говорят, Галина Волчек подарила вам бессрочный сертификат на все спектакли театра?» – «Нет, это какая-то красивая легенда». – «Да что вы?!» – «К сожалению. Может быть, в этом виноват я, может быть, так сложились обстоятельства того дня, когда я ушел... Я уважаю, люблю друга своей жизни Галю Волчек. Но никаких проявлений – «приходи», «не забывай» – не было».

На этом месте уже сам зритель готов воскликнуть: «Да что вы!» В самом деле, знаменитая актриса и режиссёр Галина Борисовна Волчек – и вдруг такое. Но Мягченков «сохраняет интригу» и продолжает прежнюю тему: «Но вы-то, если захотите, можете и обойтись без всяких сертификатов?» – «Конечно, – отвечает Эрман. – Но, к сожалению, я не вижу спектакль, на который надо было бы пойти».

Кажется, что ещё немного, и основная интрига интервью выплеснется-таки на экран. Но Мягченков умело отворачивает в сторону.

«Хорошо, к «Собеседнику» мы ещё вернёмся, пойдём по порядку. Вот актриса Людмила Иванова, ваша бывшая супруга, в своей книге воспоминаний пишет: «Леонид Иосифович Эрман – настоящий фанат театра. Театр – его дом, его семья, его профессия». – «Ну, да, – кивает Эрман, – мне всегда казалось, что вся моя жизнь – это служение нашему делу, театру».

И дальше Александр Васильевич с ходу произносит фразу, на которую я хочу особо обратить ваше внимание. «Удивительно! – восклицает он. – То, что вы говорите, это просто глоток чистой родниковой воды. Вот я недавно разговаривал с одним режиссёром, знаменитым, так он говорил: «Ну, вот вы всё время «театр» да «театр». Что с помощью театра можно сегодня сделать? Ваш театр не изменит ничего»». Вот в этом пассаже – весь Мягченков. Он не просто «задавальщик вопросов», а самый активный участник беседы. И зритель, даже не зная биографии Александра Васильевича, не зная, что он – выпускник ГИТИСа, играл лет 14 в театре, снимался в кино, – зритель всё равно верит ему, верит, что слова о высоком предназначении театра действительно кажутся журналисту «глотком родниковой воды».

А дальше идёт сердцевина беседы, её занимает разговор о зарождении «Современника», о его знаменитых постановках, об артистах и гастролях. Когда я первый раз слушал это интер-

вью, мне всё думалось, – какой же вопрос задаст Мягченков, чтобы вернуть Эрмана к теме неожиданного увольнения. А он никакого вопроса и не задал. Речь заходит о сути директорской должности, и Леонид Иосифович сам невольно выкруливает на эту дорогу. «Конечно, директор должен быть человеком образованным, представлять, что такое система Станиславского, на которой современный театр строится», – замечает Эрман и тут же рассказывает о том, как однажды он пришел в «Современник» и узнал, что в кабинете главного режиссёра сидит какой-то «молодой мужик». Оказалось – новый директор! Человек, которого прислали «сверху», не имеющий ни малейшего представления о театре.

Каким образом Волчек вынуждена была согласиться на такой «вариант», остаётся за рамками интервью – ни Эрман, ни тем более Мягченков об этом ничего не говорят. «Я удивляюсь другому, – замечает Александр Васильевич, – если вышло такое постановление, что возраст руководящих работников театра должен быть не старше 65 лет, то почему это не сделать по-человечески, проводить вас на пенсию со всеми почестями-наградами, премиями и так далее. Ведь вы – один из основателей этого театра».

Казалось бы – Леониду Иосифовичу и так больно, чего тут раны теревить. Но ответ Мягченков получает неожиданный – неожиданный и для него, и для зрителя. Ответ, поистине достойный российского интеллигента чеховского плана. Переживает Эрман, оказывается, совершенно по другому поводу. Копаясь в событиях недавнего прошлого, он находит... свою собственную вину! «Мне по сегодняшний день кажется, что я перед Б. в чём-то виноват» (Б. – это тот самый присланный директор). «Вот так?!» – восклицает Мягченков. «Ну, да. Я, как старший товарищ, должен был ему сказать: куда ты лезешь, парень, ты же в этом ничего не сечёшь. А я не сказал. Я обязан был пробиться к К. и сказать: что вы делаете? Это же преступление перед Москвой, городом, которому вы служите. Как же это может быть?.. А я и этого не сделал». (Хотя несколько минут назад Эрман вспоминал, что он пытался-таки записаться на приём к этому самому К., но секретарша сказала, что сегодня К. занят, «обратитесь к заму такому-то»).

Думаю, не только у меня, но и у многих-многих зрителей в этом месте беседы сердце ёкнуло: ведь до чего знакомая ситуация! Холодный, пластмассовый «менеджер», которому всё равно, чем руководить – театрами, детскими садами, рыбными промыслами или мусорными свалками. И – живой человек с талантом и совестью. Добавлю, что Б. и года не продержался в директорском кресле, а сам К. вскоре тоже куда-то сгинул...

Теперь ещё об одной работе Александра Мягченкова, о его **разговоре** с Екатериной Девятовой, молодой и талантливой исполнительницей народных песен.

Удивительное дело, но тут у мастера что-то не заладилось. Казалось бы, всё очень даже интересно; Марина – умница, любит и умеет увлекательно говорить на любые философские темы – ну, типа «как приманить удачу» или «когда надо в жизни и творчестве подводить промежуточные итоги». Но... не нашупал Мягченков основную ось беседы, всё как-то распадается, фрагменты интервью запросто можно поменять местами. Если разговор с Эрманом был пронизан болью за несправедливо обиженный талант, то здесь не чувствовалось основной темы, основного мотива. Я всё слушал и ждал, когда же Мягченков, наконец, заговорит о судьбе русской песни, презрительно отброшенной нашим радио и телевидением, о её великом предназначении. Но прозвучало это всё совершенно в другом интервью и совершенно в другом месте. Почти в то же время судьба вынесла Марину Владимировну на берега Амура, куда она приехала даже не на гастроли, а просто, представьте себе, в отпуск. Конечно, тележурналисты Хабаровска узнали об этом и не преминули взять у артистки интервью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.